

Иероним Ясинский

Ночь

Иероним Иеронимович Ясинский

Ночь

Аннотация

«В комнате было темно. Только окно мутно смотрело из сумрака как чей-то фантастический бессонный глаз. Грохот экипажей становился неслышнее и неслышнее и, наконец, стих; и город, утонувший в холодной мгле апрельской ночи, заснул.

Воцарилась невозмутимая тишина...»

Иероним Ясинский

Ночь

В комнате было темно. Только окно мутно смотрело из сумрака как чей-то фантастический бессонный глаз. Грохот экипажей становился неслышимое и неслышимое и, наконец, стих; и город, утонувший в холодной мгле апрельской ночи, заснул.

Воцарилась невозмутимая тишина.

Орлов сидел у стола и сжимал в руках револьвер.

Он думал о том, что никто не услышит выстрела. Он один среди этого безмолвия, среди этой тьмы, которая кажется ему слепую силою, налёгшею на мир, беспощадною и всемогущею как смерть, необъятною и бездонною, холодною и тяжёлою как море... Его гнетёт, ужасает это одиночество, злит.

Курок щёлкнул, с эластическим треском. Холодное дуло нащупало висок и приникло к нему.

Город виднелся из окна пятого этажа как чёрная бездна.

О, как Орлов ненавидел этот город! В жертву этому чудовищу, этому алчному, кровожадному, стоустому богу, он принёс все порывы своей честной молодости. И не он один. Много было жертв, и много было страданий, и много было разбитых надежд, растерзанных жизней. А чудовище всё оставалось неудовлетворённым, жестоким и холодным, и всё зияла его окровавленная пасть, требуя новых и новых гека-

томб, и с идиотским равнодушием смотрели его бесчисленные глаза на жертвенник, никогда не остававшийся праздным...

– Умри!!

Но в то мгновение, когда Орлов хотел спустить курок, в нём вдруг проснулась жажда жизни, которая сладкою тоскою наполнила его грудь и зажгла в мозгу яркие образы; пред ним промчались пёстрой вереницей видения, с мольбой протянувшие к нему руки...

Молодой человек уронил на стол револьвер.

Воспоминания толпились, кружились в уме. И в этом вихре образов, то ясных, то неопределённых, в этой смене картин, то тусклых, то залитых солнцем, в этой суতোлке прозрачных и лёгких как туман видений, то выступавших из тьмы, то вновь погружавшихся в неё, звучали призывные голоса – то милые и нежные, то суровые и важные...

Полоска света между тем прорезалась на горизонте, и ночь стала синеть.

Орлов поднял голову и раскрыл глаза, жадно куда-то всматриваясь... Ему хотелось остановиться на всём, что оправдывало его новое, ещё робкое решение – жить.

Мысленным взором проник он за пределы ненавистного города.

Вот расстилается равнина, бесконечная и гладкая как скатерть. Лишь местами вздуваются на ней цепи холмов как жилы, напрягшиеся на теле какого-то мощного существа, да ре-

ки блестят, разветвляясь. Здесь и там пятнами, зелёными и жёлтыми, выступают леса и поля. Белеются города, точно военные лагеря, и муравейниками кажутся серые деревушки. Дым пожаров кружится. Поезда как пиявки ползут по рельсам, увозя за границу хлеб – дар великой равнины.

Это родина.

Тяжело покинуть её, тяжело оторваться от этой панорамы, надрывающей душу!..

Вот Орлову кажется, что он наклонился над нею, и она так близко, что он видит людей. Они копошатся как муравьи. Точно огромное животное, с бесчисленным множеством голов и рук, народ растянулся по всей необъятной площади, наполняя воздух шумом своего дыхания...

Вид этого полудикого, тёмного, исполинского существа, тоскливо размышляющего о куске хлеба, воскресил в его груди потухавшее пламя...

На его лице, с обширным лбом, разгорячённым и вспотевшим, застыло выражение – не то счастья, не то покорности какому-то долгу – суровому и тяжкому.

Слёзы душили Орлова. И он чувствовал, как его кровь теплеет, как сердце бьётся согласно с миллионами других сердец, как нервы словно сплетаются с нервами всех, как он становится атомом огромного целого, ничтожною частью общественного организма, горлом того смиренного животного, которое ему сейчас грезилось, и боли которого заставляют его трепетать и жаждать крика...

Рассвело.

Апрель 1880 г.